

16 ЯНВ. 1944

Глашатай музыкальной правды

К 75-летию со дня смерти А. С. Даргомыжского

Исполняется 75 лет со дня смерти одного из величайших русских композиторов — Александра Сергеевича Даргомыжского. Дата эта весьма знаменательна, если иметь в виду историческое значение его творчества. Когда с оперной сцены или с концертной эстрады звучит музыка Даргомыжского, невольно еще раз думаешь о том, что даже всеильное время шадит чудесные творения художника. Ибо художественная правда есть правда жизни, и она так же вечна, как сама жизнь.

Произведения Даргомыжского оттого сохранили все свое обаяние и пленительную свежесть, что они содержат в себе жизненную правду, что в них ощущаешь большое трепетание жизни, что они как будто вырвались из самого сердца народного, составляя единое целое с художественным творчеством народной массы.

Много лет назад Горький писал Анатолю Франсу: «Для меня земля — гордое сердце вселенной, искусство — огненное сердце земли, люди искусства — фибры её сердца». Даргомыжский был одним из таких людей искусства, и его музыка проникнута жизненными тонами огненного сердца земли.

Другой великий русский композитор — Мусоргский всего точнее определил историческое значение Даргомыжского, назвав его «великим учителем правды жизни». Даргомыжский и был таким учителем для всех последующих поколений русских музыкантов, и его роль в музыке может быть сравнена только с ролью Гоголя в литературе.

Что такое музыкальная правда? Как можно средствами музыки выразить душевные движения и мысли человека, не прибегая к грубо изобразительным, натуралистическим приемам?

Уже учитель Даргомыжского, отец русской музыки Глинка указал в своем творчестве пути, которыми должен следовать художник, если он стремится стать певцом своего народа. Для осуществления этой задачи художник прежде всего должен говорить языком народа, в совершенстве владеть его музыкальной речью. Так же, как для Глинки, для Даргомыжского язык русской народной музыки был родным языком. Он не просто использовал русскую народную мелодию и гармонию в своей музыке — он

творил её сам, черпая ее мотивы во всех проявлениях музыкальной жизни народа.

Наследие Даргомыжского сравнительно невелико, но за вычетом юношеских произведений в этом наследии почти все важно и значительно.

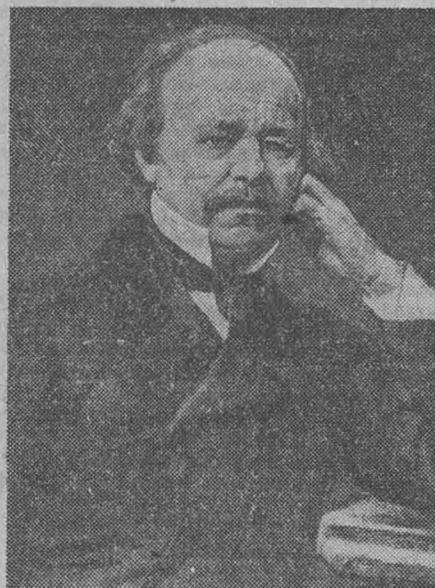
Трудно сказать даже, что важнее в творчестве Даргомыжского — его оперы или его камерно-вокальные сочинения, песни и романсы. В песенно-романсовом творчестве он не уступает Глинке, а в некоторых отношениях даже превосходит его. В песнях и романсах Даргомыжского мы встречаем нередко чрезвычайно сложные драматические ситуации и образы.

Уже в сравнительно раннем произведении, в романсе «Свадьба» («Нас венчали не в церкви»), ясно проступают черты высокого драматизма. В лаконической форме великий художник развертывает целую поэтическую картину, где человеческие страсти сливаются воедино с таинственными силами природы. «Свадьба» Даргомыжского — это буйное и вольное прославление любви, могучей и свободной. Сама природа празднует эту свадьбу. Сверканье молний вместо тусклых свадебных свечей, раскаты грома и свист ветра — вот свадебная музыка неведомой пары влюбленных.

В «Свадьбе» Даргомыжского уже чувствуется неукротимая воля художника, борца за музыкальную правду жизни. В романсовом творчестве Даргомыжского мы находим выдающиеся образцы музыкально-поэтической декламации. То, о чем некогда мечтал создатель французской драматической музыки Глюк — полное и абсолютное слияние музыки и слова, — было осуществлено в творчестве великого русского композитора.

Можно ли представить себе более высокое музыкальное воплощение дивного стихотворения Лермонтова «Мне грустно», нежели то, которое дал Даргомыжский в своем романсе! Гениальный композитор не просто положил стихи на музыку. Он как бы извлек свою мелодию из стихов Лермонтова, заставил звучать скрытую в них гармонию. «Мне грустно потому, что я тебя люблю», — начинает голос певца, и нам чудится, что голос этот звучит в глубине нашего сердца. Вот музыка истинно поэтическая, пленительно чистая, полная светлой печали и самого идеального благородства.

Поразительно разнообразие и богатство интонационных приемов в романсовом творчестве Даргомыжского. Русский музыкант-поэт, Даргомыжский великой любовью любил свой народ и, как никто другой, знал и ценил его живой язык. «Нет в мире народа лучше русского, и ежели существуют в Европе элементы поэзии, то это в России», — писал композитор одному из своих друзей. Это не было внезапной вспышкой востор-

А. С. ДАРГОМЫЖСКИЙ.

га, который охватил человека, стосковавшегося по родной стране (Даргомыжский писал по возвращении из-за границы). Напротив, это был трезвый вывод, явившийся результатом и долгого раздумья и тщательного изучения. Более того, слова эти были изложением творческой программы Даргомыжского, черпавшего поэзию своей музыки в поэзии русской земли и русского народа.

Обычно, характеризуя творчество Даргомыжского, приводят его знаменитые слова: «Хочу, чтобы звуки прямо выражали слово. Хочу правды». Слова эти стали девизом русского музыкального реализма. Они имеют огромное значение для уразумения сущности творчества Даргомыжского.

Русский национальный художник, он искал поэтические элементы во всех сторонах

русской народной жизни и находил их. Городской фольклор, которым часто пренебрегают композиторы, был ценим Даргомыжским так же, как деревенский. Образцы его использования можно встретить и в оперном, и в камерно-вокальном, и в симфоническом (вообще немногочисленном) творчестве Даргомыжского. Достаточно сослаться хотя бы на такие примеры, как песня «Каюсь, дядя, чорт попутал» или известный дуэт «Ванька Таньку полюбил» да и множество других.

Даргомыжский был гениальным мастером комического в музыке. В этом отношении его не превзошел никто ни у нас, ни за границей. Вокальная миниатюра «Червяк» является шедевром положительно неповторимым. Действительно, в немногих тактах этого маленького произведения рождается живой образ чиниши, стяжателя и подхалима, настоящего червяка, ползающего у ног своего сиятельного покровителя. Здесь талант Даргомыжского чрезвычайно близок чеховскому, так же как в знаменитом романсе «Титулярный советник» он перекликается с Гоголем. Впрочем, драматические и комические элементы тесно переплетаются в творчестве Даргомыжского. Трагический «Старый капрал», подыпавший «Мельник», влюбленный «Титулярный советник», покинутая девушка — целый рой образов, реальных, живых, насыщает творчество композитора, и трудно сказать, в чем он сильнее — в драматическом или комическом.

Но, конечно, основой величия Даргомыжского является его оперное наследие — «Русалка» и «Каменный гость». Первая его опера «Эсмеральда» (на сюжет В. Гюго) имеет значение только как первый опыт композитора.

Даргомыжский уже работал над «Русалкой», когда Белинский писал: «Говорят, будто «Русалка» была писана Пушкиным, как либретто для оперы. Если это была и правда, то хотя сам Моцарт написал бы музыку на эти слова — опера не была бы выше своего либретто...»

Даргомыжский создал оперу, которая во всяком случае стоит на одном уровне с пушкинским либретто, а это уже великий исторический подвиг для музыканта. «Русалка» принадлежит к числу тех пушкинских произведений в русской музыке, которые составляют ее гордость и славу.

Все богатство мелодического и драматургического гения Даргомыжского запечатлено в этой гениальной опере, музыка которой уже давно стала народной в самом полном смысле этого слова. С уверенно-

стью можно сказать, что у нас каждый образованный человек знает чудную каватину князя («Невольно к этим грустным берегам»), арию мельника — истинную жемчужину композиторского искусства, знаменитую песню Ольги «Как у нас на улице муж жену учил», хоры «Сватушка», «Заплетется, плетень» и т. д.

«Русалка» — прежде всего психологическая музыкальная драма, в центре которой стоят законченные и глубокие образы Наташи и ее отца — мельника. Но очень важную роль играет в опере и фантастический элемент. Чем была бы, например, великопленная сцена свадебного пира без песни русалки «По камушкам, по желтому песочку». Когда в разгар свадебного веселья откуда-то издали доносится голос Наташи, поющей зловещую песню о том, что «Вечер тут красная девица утопилась, утопаючи мила друга проклинала», вряд ли найдется хоть один человек в театральном зале, который не ощутил бы невольного трепета. Сама эта песня, чисто народная по колориту и по языку, — совершенно изумительный образец наивысшего драматического искусства. Великий реалист Даргомыжский сохраняет правдивость и жизненность даже в самых фантастических, сказочных моментах своей оперы.

Оркестр в «Русалке» и в «Каменном госте» не имеет такого значения, как в операх Глинки или всех последующих русских композиторов. Даргомыжский — композитор прежде всего вокальный, и оркестр его преимущественно сопровождает пение, лишь в редких случаях приобретает самостоятельное значение. Впрочем, три его симфонические произведения («Малороссийский казачок», «Баба-яга» и «Чухонская фантазия») превосходят во всех отношениях. Это полная юмора, блистающая весельем, жизнерадостная музыка. Недаром «Малороссийский казачок» сравнивают с гениальной «Камаринской» Глинки — может быть, наивысшая похвала, которой может удостоиться произведение любого композитора.

Прошло 75 лет со дня кончины художника, а произведения его все так же сложны, как в дни появления на свет. Несокрушимым здоровьем, колоссальной мощью веет от этой вечно прекрасной музыки. Имя великого учителя музыкальной правды является в наши дни и будет славиться в веках.

В. ГОРОДИНСКИЙ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ